

В.С. Бочкарев, О.В. Кузьмина

О НОВОМ ТИПЕ ПРОУШНЫХ ТОПОРОВ НАЧАЛЬНОЙ ПОРЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ДОНО-ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Среди металлического инвентаря эпохи бронзы Доно-Волго-Уральского региона видное место занимают проушные топоры. Самые ранние их образцы, видимо, появились еще в конце IV тыс. до н.э., и с этого времени указанная категория изделий непрерывно развивалась. К концу эпохи средней бронзы в абашевской культуре они получили уже массовое распространение. Сейчас нам известно около 80 находок узковислобушных топоров абашевской культуры (Кузьмина, 2000. С. 79-88). Это крупнейшее собрание изделий такого рода во всей Восточной Европе. В последующее время производство топоров продолжалось. Очередного пика оно достигло в срубной и алакульской культурах. Однако оставалось неясным, существует ли какая-либо преемственность между абашевскими и срубно-алакульскими сериями топоров? Оказалось, существует. Лакуну заполняют так называемые топоры владимировского типа, характеристике которых и посвящена данная работа. Часть этих топоров очень хорошо опознается благодаря тому, что они снабжены бойком (отростком в верхней части обуха), орнаментом, ребрами на втулке и т.д. Эти детали отсутствуют у всех остальных топоров Доно-Волго-Уралья эпохи поздней бронзы. При ближайшем рассмотрении оказалось, что они имеют и ряд иных морфологических признаков, позволяющих отличать их от других топоров.

Эти топоры неоднократно рассматривались в литературе. Однако в отдельный тип они не выделялись. Их относили к числу абашевских (узковислобушных) топоров, а чаще — к срубно-алакульским (широковислобушным) (Городцов, 1915. С.151; Talgren, 1916. Р. 19; Тихонов, 1960. С.62, 97-98;

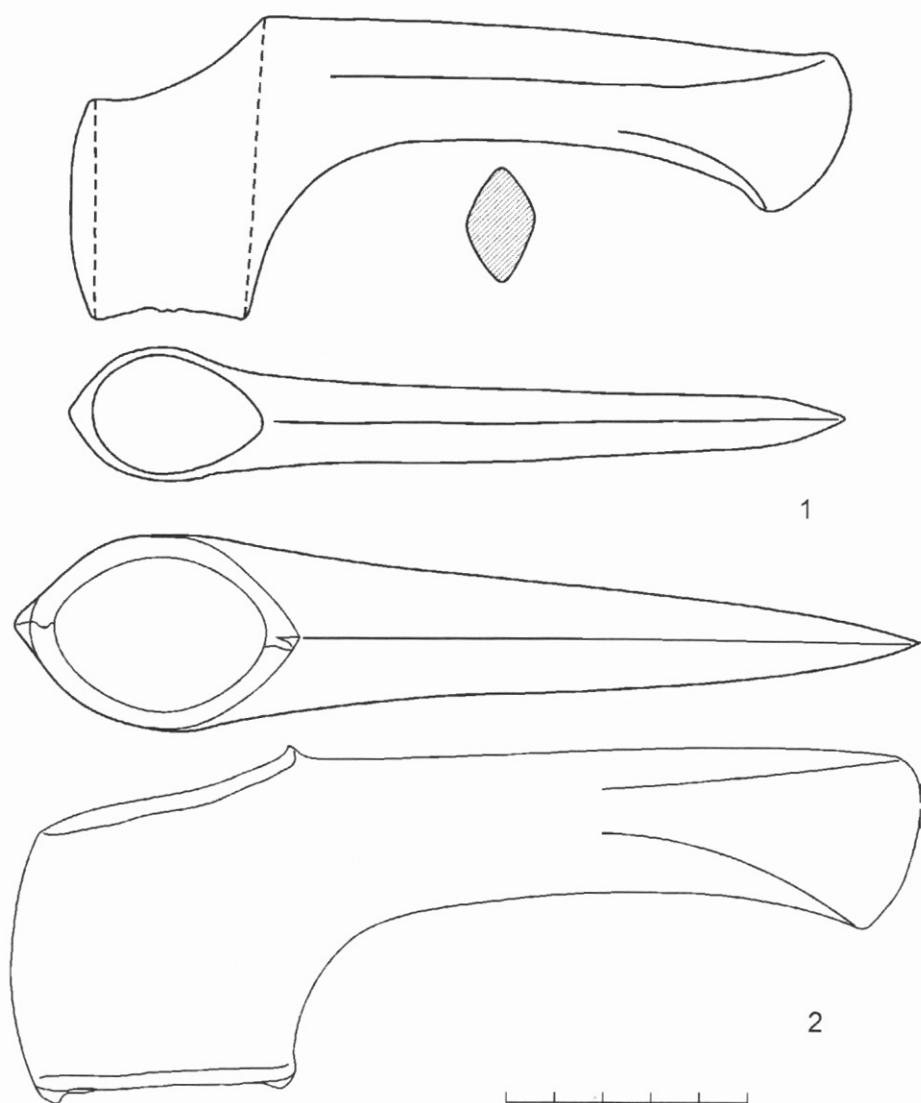

Рис. 1. Топоры владимировского типа (ранние):

1 — Турбинский I курганный могильник, п.1; 2 — Кондрашкинский курган, п.1.

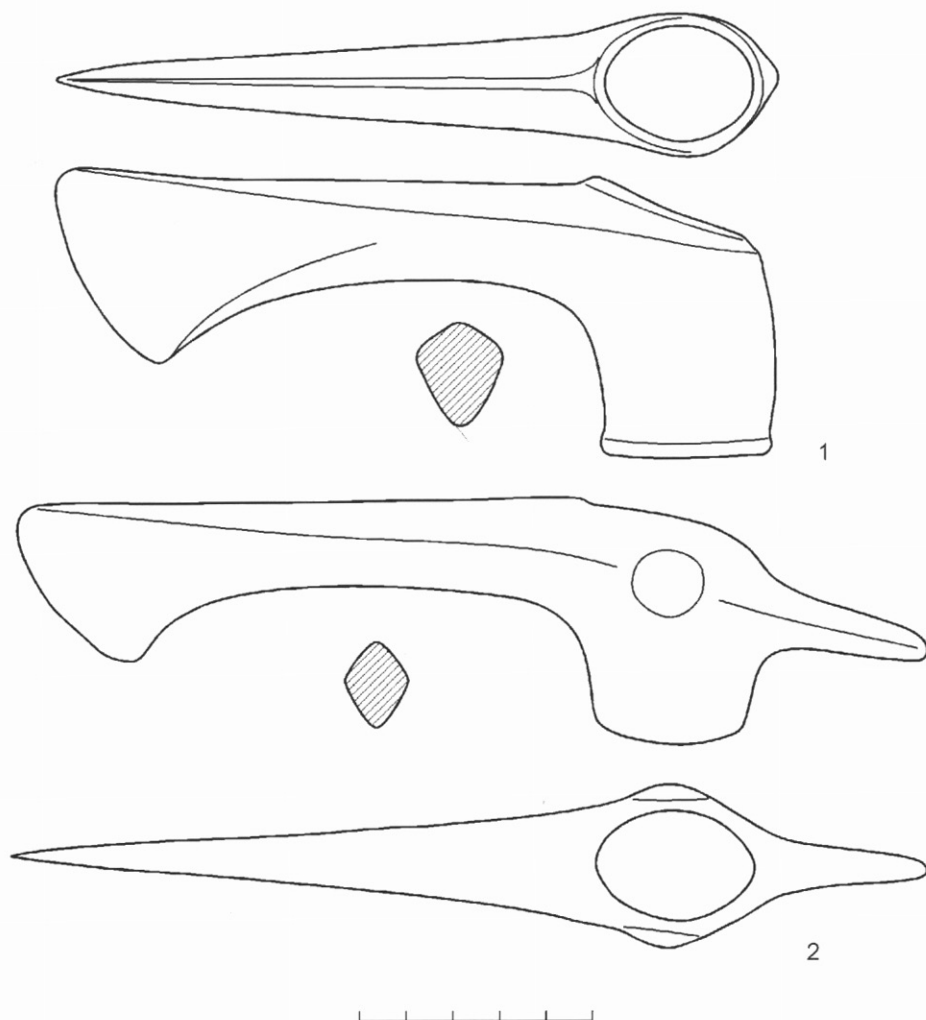

Рис. 2. Топоры владимировского типа (поздние):
1 — Владимировский I, 1/1 (СОИКМ, КП-23825/1); 2 — Березовский.

Сальников, 1967. С. 339; Бадер, 1964. С.81; Бадер, 1970. С.111; Черных, 1970. С.59-60; Корневский, 1973. С.46, 48; 1975. С.90; Черных, Кузьминых, 1989. С.125, 128). В отношении некоторых этих изделий отмечалось их своеобразие (Аванесова, 1991. С.13; Дегтярева, 2010. С.90-91).

Между тем, морфологические особенности этих топоров, их культурный контекст не оставляют сомнений в том, что они составляют отдельный тип. Он был назван нами владимирским по эпонимному памятнику в Самарском Поволжье (курганый могильник Владимировка I, 1/1). *К владимирскому типу отнесены топоры, которые имеют прямой, узкий, объемный клин с расширенным лезвием и удлиненным обухом, с небольшим скосом спинки над выходным отверстием втулки* (рис. 1, 2). От абашевских топоров (рис. 3) они отличаются тем, что имеют удлиненный обух, более прямой клин и не такой сильный скос над втулкой. По сравнению со срубно-алакульскими топорами (рис. 4) изделия владимировского типа являются более грацильными. Они меньше по размерам и менее массивны, особенно в части втулки, а клин в пропорциональном отношении не такой узкий и не столь сильно наклонен вниз. Эксклюзивными признаками топоров владимировского типа следует считать не только оригинальное сочетание типобразующих признаков, но также наличие у некоторых из них выпуклин, орнамента, ребер, выступов/бойков на обухе и секировидного лезвия (рис. 2, 2).

Нами учтено 32 экземпляра топоров владимировского типа. Все они, кроме одной двустворчатой литейной формы, представлены готовыми изделиями. Их находки рассеяны на очень большой территории, которая простирается от Центрального Казахстана и Ташкентского оазиса на востоке до Среднего Поднепровья на западе (рис. 5). Но основная масса находок этих топоров сосредоточена в Доно-Волго-Уральском регионе, в его степной и лесостепной частях. В целом, ареал топоров владимировского типа в основном совпадает с территорией, занятой синташтинской, петровской и покровской культурами. Обращает на себя внимание, что они сравнительно редко встречаются в лесной зоне Волго-Уралья, откуда происходит основная масса абашевских топоров (рис. 6, 1). Здесь их находят в памятниках сейминско-турбинского типа. Частично их ареал совпадает с зоной распространения срубных и алакульских топоров (рис. 6, 2).

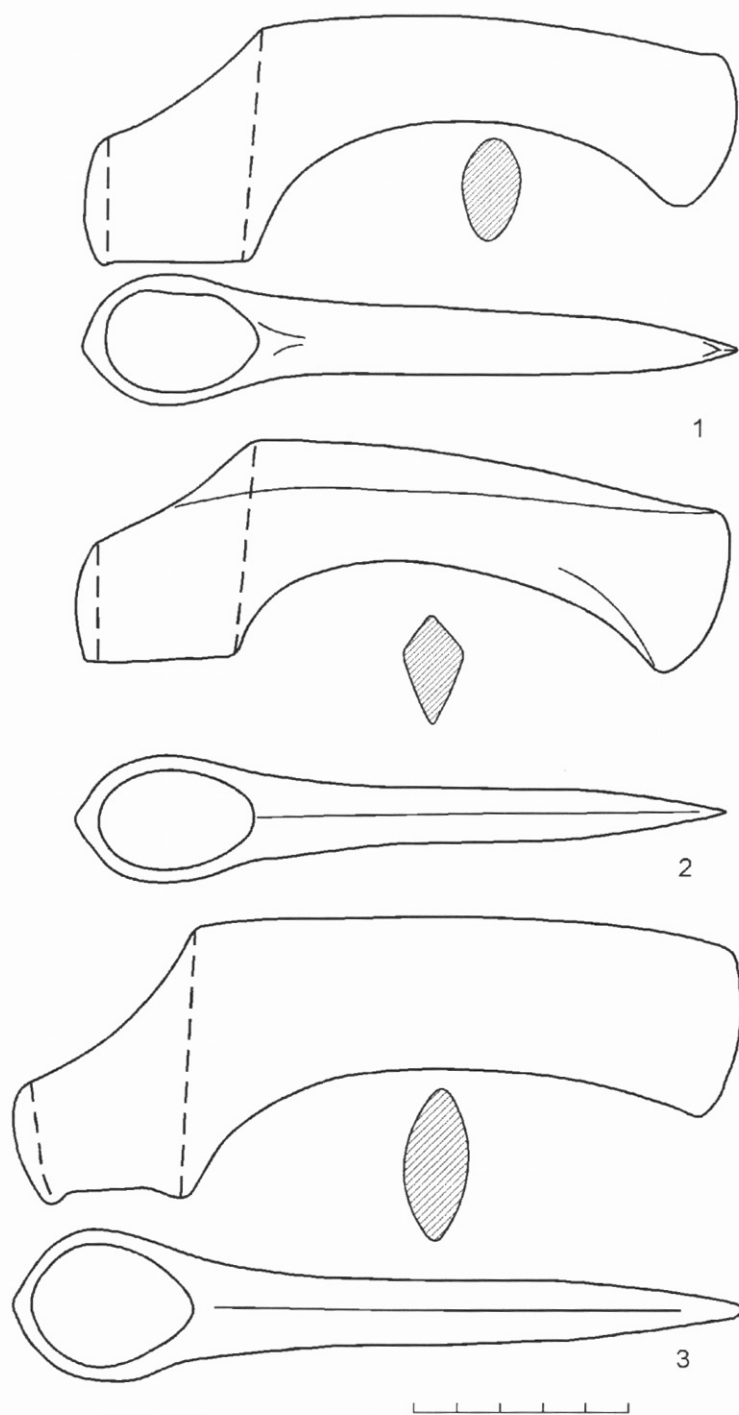

Рис. 3. Топоры абашевского типа:
1 — Вятка, 2 — Карамышево, 3 — Чистополь.

Владимирский I, 1/1 (Кузьмина и др., 2003. С.219. Рис.4,11), Рождественский I, 1/2 (Крамарев, Кузьмина, 2012. С.86. Рис.7), I Барановский, 11/2 (Сергацков, 1992. С.100. Рис.2,4.) и, возможно, Ерыклинский клад (Смолин, 1926. Рис. 8. С. 75-76. Фото 8). Два топора владимировского типа найдены в сейминско-турбинских могильниках: Турбинском I, п. 1 (Прокошев, 1941. Табл. XVIII,1) и Сейминском (Бадер, 1970. С.111. Рис.42). Некоторые авторы к числу сейминско-турбинских памятников относят находки из Мурзихи I (Денисов и др., 1988. С.54. Рис.9,5) и Соколовки (Косменко, Казаков, 1976. С.230. Рис.1, 2).

Не все памятники, в которых найдены топоры владимировского типа, являются одновременными. Так, согласно стратиграфическим и типологическим данным, синташтинская культура в Южном Зауралье предшествовала петровской (Виноградов, 2003. С.262-263). Имеются также основания разделять покровские и сейминско-турбинские древности на ранние и поздние (Бадер, 1964. С.135-151; Бочкарев, 2010. С.60-79; Лапшин, 2006. С. 9-24). В соответствии с этим топоры владимировского типа

Большинство топоров владимировского типа найдено в погребальных комплексах (22 из 32). Это обстоятельство выделяет их среди металлических топоров эпохи бронзы Доно-Волго-Уралья. Так, почти все абашевские топоры, за небольшим исключением, являются единичными, случайными находками (Кузьмина, 2008. С.49-57). Если не считать литейную форму из Пепкинского кургана, ни один из них не был найден в погребении. То же самое можно сказать о срубно-алакульских топорах. Все они происходят из слоев поселений, кладов или из единичных, случайных находок.

Благодаря большому количеству закрытых комплексов сравнительно легко устанавливается культурная принадлежность топоров владимировского типа. Их использовало население четырех культур: синташтинской, петровской, покровской и сейминско-турбинской. В настоящее время известно 6 синташтинских погребений с топорами владимировского типа, которые происходят из могильников Синташта (СМ), п.3 и п.39 (Генинг и др., 1992. Рис. 49, 6. С.121; Рис. 127. 1. С.232). Халвай, п.9 (Шевнина, Логвин, 2013. С.45. Рис.5,3), Бестамак, погребения 24, 140, 170 (Логвин, Шевнина, 2006. Рис.13. С.46; Логвин, Шевнина, 2008. Рис. 2, 3. С.190, 192; Логвин, Шевнина, 2011. Рис.3, 14. С.349, 353). Несколько чаще они встречаются в петровских памятниках. Это могильники Степной VII, 4/17, 7/78 (Зданович, Куприянова, 2007. Рис.1. С.142), Царев курган (Сальников, 1967. Рис.51.5. С.339), Березовский (Чебакова, Овчинников, 1975. Рис.3. С.141), Евгенивка (Аванесова, 1991. С.13. Рис.12, 49), поселения Кулевчи III (Аванесова, 1991. С.13. Рис.4, 50; 10, 12) и Волосниково (Аванесова, 1978. С.153. С.43. Рис.3. Каталог, №2). Пять или шесть таких топоров можно отнести к покровской культуре: Кондрашкинский курган, п.1 (Пряхин и др., 1989. С.5-7. Рис.4,2), Киевка, курган 2 (Тальгрэн ESA II, 1926. P. 171-172. Fig. 99, 4), могильники

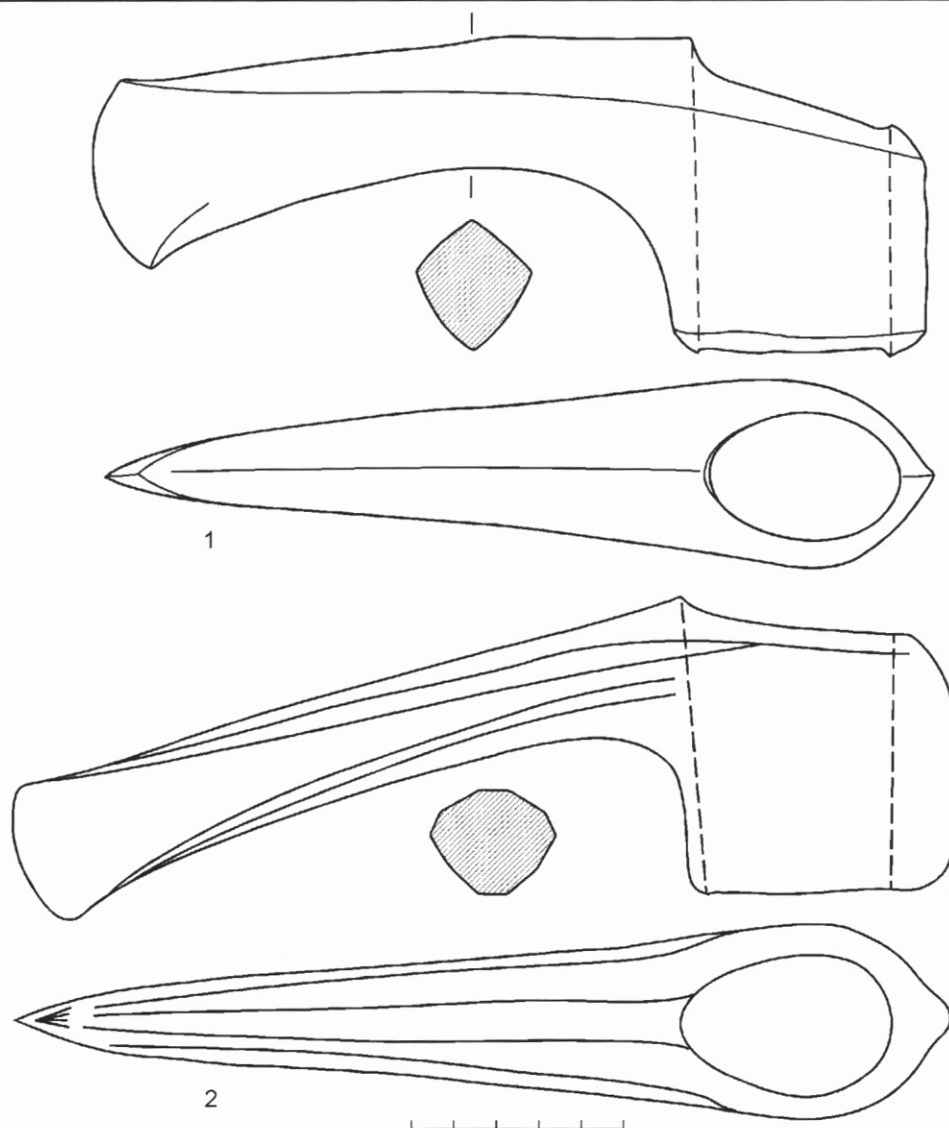

Рис. 4. Топоры срубного (1 - Васильевка) и алакульского (2 - Оренбург) типов.

также можно разделить на две хронологические группы. В раннюю вошли находки из синташтинских погребений, раннепокровских комплексов (Кондрашкинский, Киевка), а также из Турбинского могильника. В позднюю группу вошли находки из петровских и позднепокровских (Владимировский I, Рождественский I, I Барановский) погребений, а так же из могильников Сейминский, Мурзиха I и Соколовка. Оказалось, что топоры из ранних и поздних памятников имеют типологические различия. Ранние топоры владимировского типа имеют гладкий клин, округлую спинку, слабо расширенное лезвие, каплевидную или даже округлую форму входного отверстия. Они лишены орнамента (рис.1). Поздние топоры этого типа имеют ребра на клине, прямую, приостренную спинку, заметно расширенное лезвие, овальную или линзовидную форму входного отверстия. Нередко они украшены орнаментом (рис.2).

Древнейшим изделием владимировского типа является один из топоров Турбинского могильника (рис. 1, 1). С типологической точки зрения он датируется даже более ранним временем, чем топоры первой хронологической группы. Неслучайно его чаще всего относят к числу абашевских топоров (Черных, Кузьминых, 1989. С.125-126. Рис.70, 2). С этими последними он имеет целый ряд общих черт, что и придает ему архаичный облик. Сам Турбинский могильник, в котором найден этот топор, следует датировать временем конца абашевской и начала синташтинской и покровской культур. Иными словами, его следует располагать на грани эпох средней и поздней бронзы Доно-Волго-Уралья.

В целом культуры, в которых использовались топоры владимировского типа, согласно уточненной схеме Бочкарева-Дергачева датируются I-II периодами Волго-Уралья (Дергачев, Бочкарев, 2002. С.8-16. Рис.1; Бочкарев, Пелих, 2010. С.341). По данным радиоуглеродной хронологии это приблизительно соответствует первой четверти II тыс. до н.э. Таким образом, топоры владимировского типа оказываются младше абашевских, но старше срубно-алакульских. Поэтому вполне понятным становится тот факт, что в памятниках доно-волго-уральских культур I-II периода отсутствуют как абашевские, так и

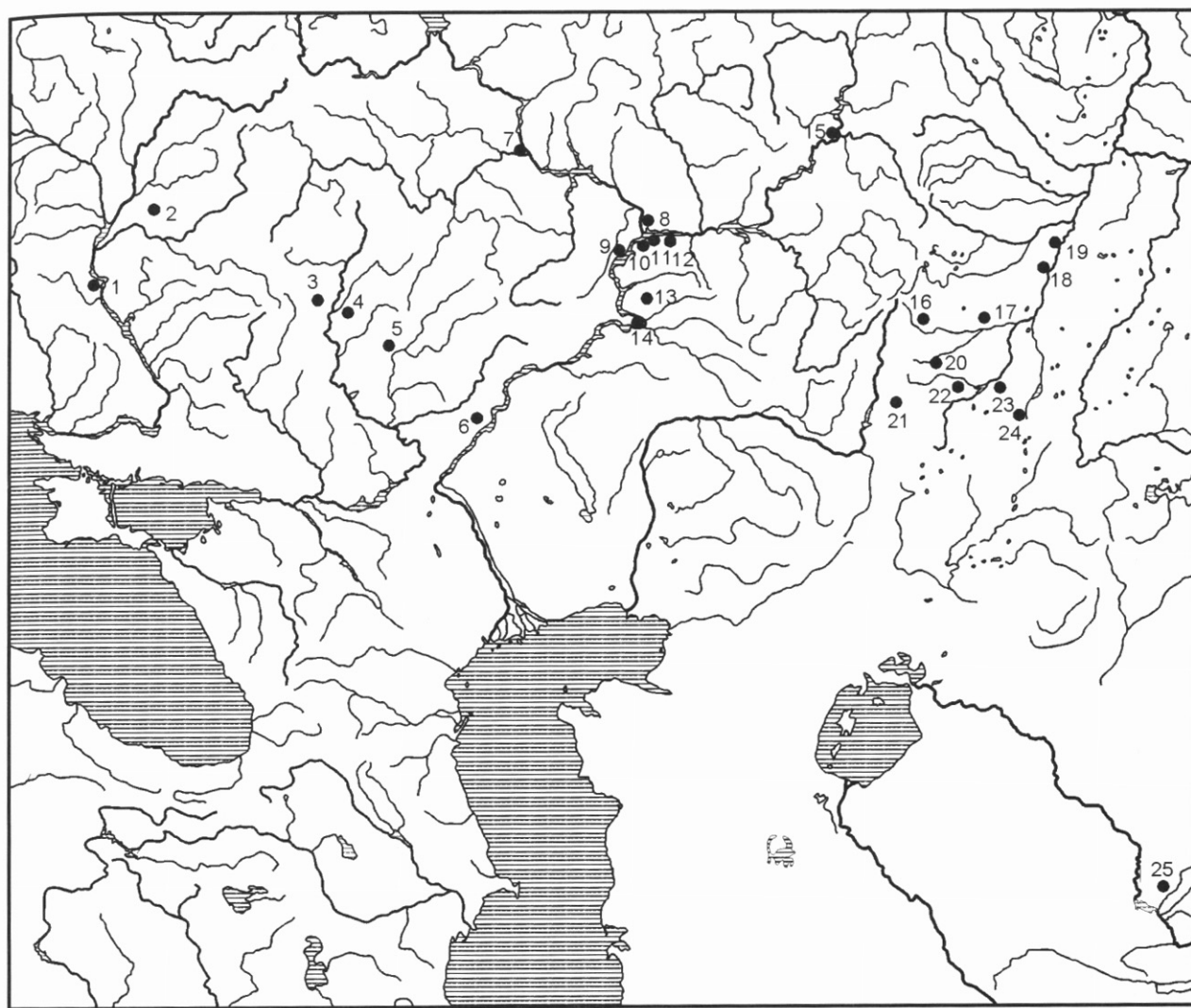

Рис. 5. Карта распространения топоров владимировского типа.

Условные обозначения: 1 - Семизоры, 2 - Клинецкий район, 3 - Киевка (литейная форма), 4 - Кондрашкинский, 5 - Бобровский уезд, 6 - I Барановский, 7 - Сейма, 8 - Малиновский II, 9 - Новопоселенная Тояба, 10 - Соколовка, 11 - Мурзиха I, 12 - Ерыклинский клад, 13 - Владимировский I, 14 - Рождественский I, 15 - Турбинский I, 16 - Степной VII; 17 - Березовский, 18 - Царев курган на Тоболе; 19 - Волосниково; 20 - Кулевчи III; 21 - Синташта; 22 - Халвай 3; 23 - Евгенивка, 24 - Бестамак, 25 - Чимбайлыкский клад.

срубно-алакульские топоры. С другой стороны, ни один из топоров владимировского типа не встречен в абашевских, срубных или алакульских комплексах.

Форма владимировских топоров варьировала не только во времени, но и в пространстве. По отсутствию или наличию на обухе топоров выступа (бойка) их можно разделить на два варианта. В количественном отношении резко преобладают орудия первого варианта (24 из 32). Они встречаются во всем ареале топоров владимировского типа. Топоров второго варианта гораздо меньше — всего 8. Но все они, кроме двух экземпляров, найдены восточнее Урала, в Урало-Казахстанских степях. Причем на этой территории их обнаружено почти столько же, сколько топоров первого варианта (6 против 8). Противоположная картина наблюдается в Восточной Европе. Здесь найдено только 2 топора с бойком и 16 без бойка. Таким образом, имеется основание рассматривать топоры с бойком как восточный вариант топоров владимировского типа. Они характерны для синташтинской и петровской культур и, вероятно, возникли в их среде. Наряду с ними также использовались топоры без бойков, которые, по сути дела, были господствующим вариантом в покровской культуре.

О функции топоров владимировского типа свидетельствует их довольно оригинальное оформление. Некоторые из них снабжены бойками, которые имели вид тесла, чекана или молотка. Кроме того, часть из них украшена рельефным или точечным орнаментом. Ряд этих топоров имеет необычное, секирообразное лезвие. Вместе все эти детали говорят о том, что указанные топоры имели какое-то особое назначение. Маловероятно, что они были простым рабочим инструментом. Кажется также, что они не могли использоваться только как оружие. Некоторые из них имеют совсем маленькие размеры.

Мы склоняемся к предположению, что у них была какая-то особая функция. Они могли играть роль неких скипетров или знаков власти. Возможно, именно с этой функцией связано их появление в составе погребального инвентаря богатых синташтинско-петровских и покровских погребений. Очевидно, вместе с морфологической трансформацией проушных топоров Доно-Волго-Уральского региона происходило и изменение их функции. Если абашевские топоры использовались преимущественно в качестве оружия, то топоры владимировского типа использовались в виде неких символов, а срубно-алакульские топоры — наряду с боевой и символической функцией, вероятно, стали использоваться, как рубящее орудие. На последнее может указывать не только их грубая форма, значительные размеры и вес, но также факт их массового производства на Мосоловском поселении срубной культуры в Среднем Подонье, где большинство литейных форм предназначалось для отливки втульчатых топоров (Пряхин, 1996. С.18).

Итак, как мы попытались показать, описанные выше топоры представляют собой отдельный тип. В морфологическом отношении они отличаются как от топоров предшествующего времени, так и последующего. Их типологическое своеобразие было обусловлено тем, что они принадлежали совсем к другому времени и совсем другим культурам, чем абашевские или срубно-алакульские топоры. Они стали своего рода знаковыми артефактами эпохи колесничих культур начальной поры эпохи бронзы Доно-Волго-Уралья. В особенности это касается топоров второго варианта (с бойком). Об их особой функции свидетельствует как их форма, так и состав погребальных комплексов, в которых они встречаются.

Вместе с тем, вполне очевидна типологическая связь изделий владимировского типа с более ранними абашевскими топорами и более поздними срубно-алакульскими. Они занимают промежуточную позицию между ними. Лучше всего это видно на примере топоров первого варианта (без бойков). Поэтому их можно считать тем звеном, которое связывает в единый типологический ряд развития топоры эпохи средней и поздней бронзы Доно-Волго-Уралья.

Список литературы:

- Аванесова Н.А. К вопросу о вислобушных топорах андроновского культурного массива // *Вопросы археологии, древней истории и этнографии Узбекистана*. Самарканд, 1978.
- Аванесова Н.А. *Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР*. Ташкент, 1991.
- Бадер О.Н. *Древнейшие металлурги Приуралья*. М., 1964.
- Бадер О.Н. *Бассейн Оки в эпоху бронзы*. М., 1970.
- Бочкарев В.С. *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы*. С-Пб., 2010.
- Бочкарев В.С., Пелих А.Л. *Металлические топоры-кельты и кельты-тесла эпохи поздней бронзы Нижнего Подонья и Северного Кавказа // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007-2208 гг. Выпуск 24*. Азов, 2010.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинев, 2002.
- Виноградов Н.Б. *Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье*. Челябинск, 2003.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. *Синташта. Археологические памятники Урало-Казахстанских степей. Книга 1*. Челябинск, 1992.
- Городцов В.А. *Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 г.*, М., 1915.
- Дегтярева А.Д. *История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы*. Новосибирск, 2010.
- Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н. *Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье*. Казань, 1988.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. *Из опыта исследования погребальных комплексов эпохи бронзы в Южном Зауралье: могильник Степное VII // XVII Уральское археологическое совещание*. Екатеринбург-Сургут, 2007.
- Корневский С.В. *Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области // СА, № 1, 1973*.
- Корневский С.Н. *Металлические орудия и оружие эпохи бронзы Восточной Европы (втульчатые топоры)*. Рукопись дисс. ... канд.ист.наук // *Архив ИА РАН, № Р-2, 2155*. М., 1975.
- Косменко М.Г., Казаков Е.П. *О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы // СА, №2, 1976*.
- Крамарев А.И., Кузьмина О.В. *Раскопки Рождественского I курганного могильника на юге Самарской Луки // Бронзовый век. Эпоха героев*. Самара, 2012.
- Кузьмина О.В. *Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации)*. СПб., 2000.
- Кузьмина О.В. *К вопросу о неслучайности случайных находок бронзовых боевых топоров и наконечников копий абашевской культуры // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья*. Самара, 2008.

Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П. Курганный могильник эпохи бронзы Владимирский I // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 3. Самара, 2003.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Материалы могильника Бестамак в системе синташтинско-петровских древностей // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2006.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2008.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы. Том 1. Алматы, 2011.

Прокошев Н.А. Археологические исследования в бассейн р. Камы // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л., 1941.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая. Воронеж, 1996.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. Воронеж, 1989.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

Сергацков И.В. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (1987-1988) // Древности Волго-Донских степей. Выпуск 2. Волгоград, 1992.

Смолин В.Ф. Случайная находка бронзовых предметов в Казанском крае (Ерыклинский клад) // Вестник научного общества татароведения, №4. Казань, 1926.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА, 90. М., 1960.

Чебакова Т.Н., Овчинников В.А. Разведка в зоне Березовского водохранилища // Вопросы археологии Урала. Выпуск 13. Свердловск, 1975.

Черных Е.Н. Древнейшие металлурги Урала и Поволжья. МИА, № 172, М., 1970.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.

Шевнина И.В., Логвин А.В. О реконструкции крепления бронзовых и каменных изделий к рукояткам и древкам (по материалам синташтинского кургана Халвай 3) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013.

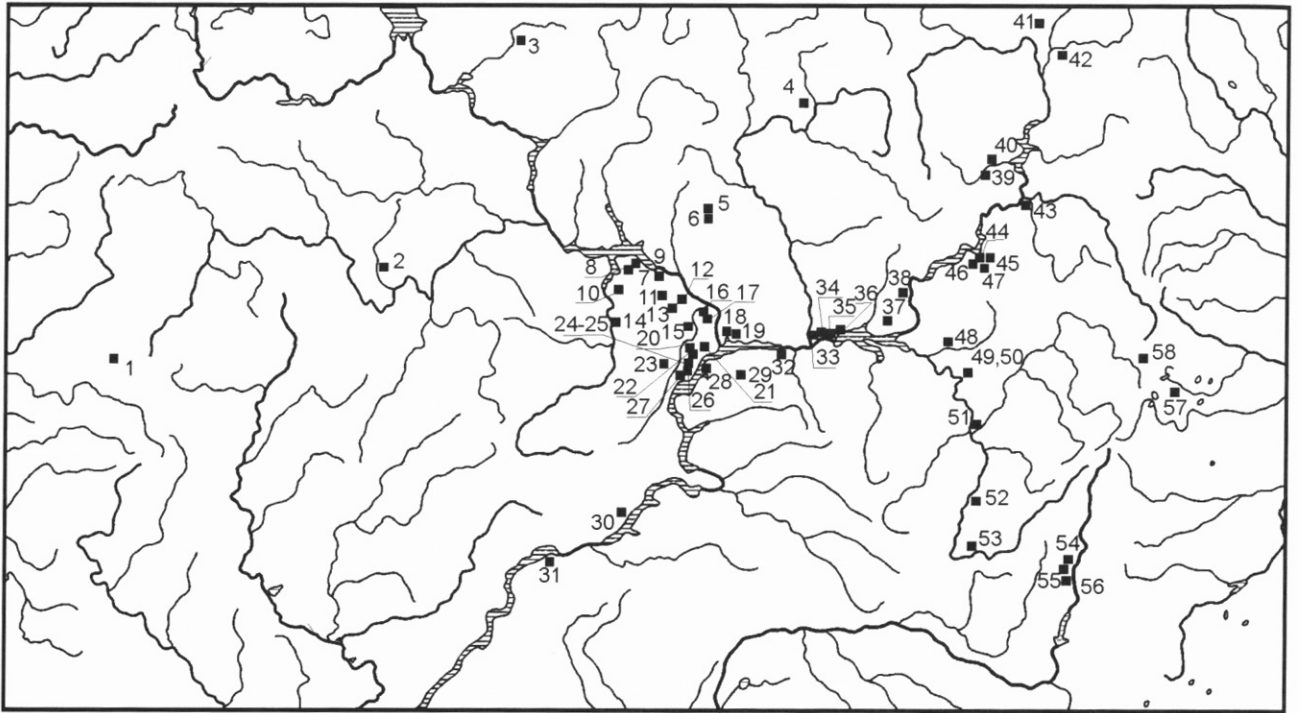
Tallgren A.M. La Pontide prescythique apres L'introduction des metaux // ESA, II. Helsinki, 1926.

Рис. 6. 1 (см. с.114). Карта распространения топоров и литейных форм абашевского типа.

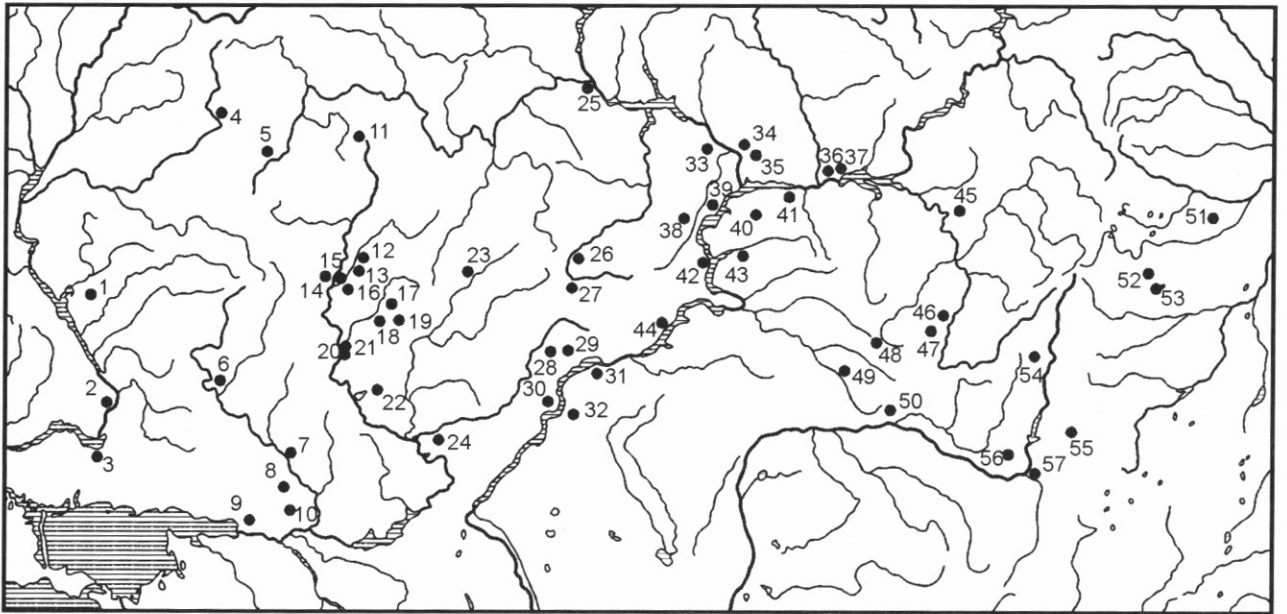
Условные обозначения: 1 – Змиевка, 2 – Воймежное-2, 3 – Галичское озеро, 4 – Коришуновский клад, 5 – Березенки, 6 – Яранский уезд, 7 – Таныш-Касы, 8 – Пепкино, 9 – Богородское, 10 – Ядринский уезд, 11 – Можары, 12 – Карамышево, 13 – Старые Шагали, 14 – Алатырь, 15 – Куланга, 16 – Кайбицы, 17 – Свяжский уезд, 18 – Лаишевский уезд, 19 – Девлезери, 20 – Юмрали, 21 – Карташиха, 22 – Шемякино, 23 – Новопоселенная Тояба, 24 – Тетюшский уезд, 25 – Тетюшский уезд, 26 – Кулчаны, 27 – Бакрчи, 28 – Болгары, 29 – Билярск, 30 – Вязовый Дол, 31 – Подстепная, 32 – Чистопольский уезд, 33 – Рождественский починок, 34 – Ананьинская дюна, 35 – Елабуга, 36 – Елабужский уезд, 37 – Гремячий Ключ, 38 – Сарапул, 39 – Сивинское, 40 – Баглино, 41 – Усть-Шутур, 42 – Чердынь, 43 – Турбино, 44 – Большая Ошья, 45 – Ошья, 46 – Китрюм, 47 – Коровино, 48 – Кутеремово, 49 – Бирск, 50 – Бирский уезд, 51 – Миловка, 52 – Стерлитамак, 53 – Азанут, 54 – Сибай, 55 – Мало-Кизильское, 56 – Таган-Таш, 57 – Горбуновский торфяник, 58 – Серный Ключ.

2. Карта распространения топоров и литейных форм срубно-алакульского типа.

Условные обозначения: 1 – Хвоцковка - Петракеевка, 2 – Вовниги, 3 – Васильевка, 4 – Брянск, 5 – Некрасовка, 6 – х.Бабенков, 7 – Усово озеро, 8 – Провалье, 9 – Ростов, 10 – Нижне-Курмолярская, 11 – Мельгуново-3, 12 – Усманка-2, 13 – Дивногорское, 14 – Боково, 15 – У Возресовской дамбы, 16 – Боровское, 17 – Мосоловка, 18 – Новая Чигла, 19 – Черное Озеро, 20 – Шиловское, 21 – Черкасское-4, 22 – х.Свидовский, 23 – Кипец 1, 24 – х.Колотаева, 25 – Сейма, 26 – Барковское, 27 – Шемьшейка, 28 – Дурасовка, 29 – Нижняя Красавка-2, 30 – Мартышкино, 31 – Подстепное, 32 – Краснополье, 33 – Альменево, 34 – Казань, 35 – Большая Тояба, 36 – Елабуга, 37 – Елабуга, 38 – Ртищево-Каменка, 39 – Шам-Булахчи, 40 – Муллино, 41 – Чистопольский уезд, 42 – Мордово, 43 – Нижняя Якушка, 44 – Старая Яблонка, 45 – Уршак, 46 – Стерлитамакский район, 47 – Ибракаевский клад, 48 – Соловка, 49 – Хуторок, 50 – Майорский клад, 51 – Барсуково, 52 – Коркино I, 53 – Писклово, 54 – Аскарново, 55 – Голпаево, 56 – Сулакский прииск, 57 – Орск.

1

2

Рис. 6. Легенда на с.113.